

Мошонкина Е. Н.

**«Barzaz-Breiz» Теодора де Ла Вильмарке и дискуссии вокруг романов
Круглого стола в эпоху Июльской монархии**

Гуманитарные исследования. Астрахань: АГУ, 2009. N 3. С. 154-163.

Настоящая статья посвящена одной из самых неоднозначных и в то же время ключевых фигур французской романтической филологии. В 1839 г. Теодор-Клод-Анри Эрсар де Ла Вильмарке, выходец из семьи бретонских ультрароялистов и бывший ученик Школы Хартий, опубликовал двухтомный сборник народной бретонской поэзии «Barzaz-Breiz» («Поэтические песни Бретани»). Этому сборнику суждено было стать одним из самых успешных издательских предприятий XIX в. и сыграть важную роль в продолжавшихся на протяжении 20-х-40х гг. филологических дискуссиях о происхождении французских рыцарских романов. В данной статье сделана попытка рассмотреть деятельность Ла Вильмарке как проявление некоторых радикальных тенденций, присущих романтической филологии, и проанализировать рецепцию его теорий современниками.

Записанные в бретонских деревнях песни были представлены составителем «Barzaz-Breiz» как образцы старинной устной традиции, восходящей к древнейшим эпохам кельтской истории (вплоть до 6 в. н. э). Таким образом, Ла Вильмарке пытался представить доказательство того, что французская Бретань являлась непосредственной наследницей и хранительницей кельтских памятников и обычаев. Чтобы понять контекст, в котором увидел свет сборник, следует учитывать, что к концу 30-х гг. полемика вокруг «кельтского наследия» и вклада кельтов в формирование французской литературы, начатая в 1824 г. в серии «Литературная история Франции», достигла своего апогея. Не удивительно поэтому, что прием, оказанный молодому бретонцу и его детищу, был далеко не однозначным.

На заседании Исторического Комитета, состоявшемся 7 апреля 1838 г., один из авторитетнейших французских филологов того времени Шарль Нодье выразил свой скептицизм по вопросу о подлинности песен, заявив о нежелании «поддержать своим авторитетом подлог нового Макферсона»¹.

Скептицизм Нодье вполне понятен, особенно если учитывать, что несколькими годами ранее юный Ла Вильмарке уже оказался впутанным в довольно сомнительную историю с т.н. «рукописью Гинклана». О существовании некой рукописи на старобретонском языке этого

легендарного барда-предсказателя V в. (прозванного «бретонским Мерлином») ученым было известно давно; однако ее считали пропавшей во время Революции. Она якобы была «обнаружена» Ла Вильмарке в 1834 г. у одного из кюре Финистера, но очень скоро загадочно «исчезла». Согласно первоначальной версии Ла Вильмарке, рукопись была конфискована у него Проспером Мериме, который 27 мая 1834 г. был назначен генеральным инспектором исторических памятников. Эта самая первая версия, которую Ла Вильмарке больше не осмелился воспроизвести, содержала в себе серьезное обвинение в адрес Мериме. Он обвинялся не только в роковой небрежности (утерял драгоценную рукопись); давалось понять, что с его стороны имелось намерение лишить бретонцев единственного памятника их национальной литературы. Происшествие с рукописью получило значительный резонанс в бретонской прессе, однако стоит прислушаться и к мнению одного из биографов де Ла Вильмарке, который утверждал в 1949 г., что бретонец «никак не мог обнаружить, а Мериме конфисковать»² никогда не существовавший манускрипт.

История вышла настолько некрасивая, что сам Ла Вильмарке больше никогда не решился настаивать на факте обнаружения копии. В 1839 г. в «Введение» к первому изданию «Barzaz-Breiz» он включил заметку о Гинклане, не упомянув, однако, ни об «обнаружении», ни об «исчезновении» списка его поэм. В 1867 г., во втором издании сборника, он вновь очень осторожно вернулся к истории манускрипта. Отметив, что хроника Ненния (IX в.) упоминает Гинклана в списке бардов, прославивших бретонскую поэзию, он просто добавил, что «в XV в. была сделана копия его поэм, которая была известна еще в прошлом веке»³.

История «обнаружения» «рукописи Гинклана» была, похоже, лишь «рекламным ходом» Ла Вильмарке. Но если она и завоевала ему симпатии и поддержку региональной бретонской прессы, то для его репутации ученого последовавший скандал сослужил, скорее, плохую службу. Несмотря на выводы части экспертов, сообщенные Историческому Комитету и полностью благоприятные для «Barzaz-Breiz», Комитет отказал в публикации сборника, ссылаясь на «чрезвычайную трудность и даже невозможность установить дату и происхождение»⁴ поэм. Воцарившийся всеобщий скептицизм по отношению к «оссианическим» поэмам Макферсона, сменивший период неопределенности и дискуссий эпохи Реставрации, был явно неблагоприятным для подобных начинаний.

В конечном итоге Ла Вильмарке был вынужден напечатать собранные материалы на свои средства, и два тома «Поэтических песен Бретани» увидели свет в 1839 г. Известно, что сборник

быстро сделался культовым и пользовался огромным издательским успехом на протяжении всего XIX в.

Уже неоднократно отмечалось, что сборник Ла Вильмарке во всех отношениях был копией «Народных песен Новой Греции» Клода Форьеля, другого «знакового» для романтиков текста. В частности, у Ла Вильмарке мы обнаруживаем столь дорогую для Форьеля оппозицию двух видов поэзии, «народной» и «ученой». Распределение материала у Ла Вильмарке тоже довольно точно воспроизводит структуру издания-предшественника. Два тома 1839 г. включают 53 песни, сгруппированные по трем категориям: 32 исторические, 16 любовные и 5 религиозных. Именно исторические песни окажутся в центре бурной филологической полемики, которая разгорится в 1855 г. после выхода в свет третьего издания «Barzaz-Breiz».

Кстати, именно К. Форьель был одним из немногих филологов, поддержавших идею публикации сборника. Его позиция заслуживает пояснения. Ф. Гурвиль слишком поспешил, как нам кажется, объявить, что Форьель и О. Тьерри, еще один покровитель Ла Вильмарке, «несмотря на всю их ученость, не имели никаких знаний по данному вопросу»⁵. Изучение архива Форьеля⁶ опровергает это заявление. Оно неопровержимо доказывает, что Форьель обладал достаточно солидными познаниями в кельтской лингвистике, чтобы быть в состоянии сформулировать и обосновать свое мнение. Впрочем, было бы чрезмерным упрощением пытаться объяснить его ошибку простым неведением: в конце концов, Ш. Нодье, высказавшийся против публикации, был явно менее компетентным лингвистом, нежели Форьель.

Будучи на несколько лет моложе Форьеля, в области лингвистики Ш. Нодье, тем не менее, остался настоящим «архаистом», учеником Кур де Геблена и «идеологов». Он был автором удивительного текста, опубликованного в 1810 г. в качестве анонса будущего (но так и не написанного) исследования «Археология или универсальная толковая система языков». Речь шла о проекте реформы языка, задуманной как средство совершенствования общества. Эта рационалистическая утопия ставила своей задачей создание совершенного языка, способного своей математической точностью сравняться с точными науками:

«Мысля общество как любую другую науку или метод, я думаю, что ничто не препятствует тому, чтобы наделить его позитивным языком, договориться о некоей социальной алгебре, которая ничего не изменит в обычном языке и чье применение будет ограничено научным, политическим и коммерческим сообщением народов. У этого языка будут

все условия совершенствования, которые позволяет настоящее состояние общества. Взаимовлияние общества на язык и языка на общество позволит постепенно достичь наивысшей возможной степени совершенства... Оставляю читателю домыслить, какую точность подобный язык привнесет во все идеи человечества... какие преимущества предоставит он, с математической точностью отражая наши всевозможные ощущения?»⁷.

Анализ эпистемологических *a priori* цитированного рассуждения свидетельствует, что «Археология» Нодье опирается на те же принципы, на которые опирались «всеобщие грамматики» и лингвистические теории XVII-XVIII вв. Сведенный к простой дискурсивности (т. е. лишенный собственной «плотности»), «позитивный» язык имеет главной функцией репрезентацию вещей. Гегемония репрезентации в мышлении классической эпохи объясняет, по словам М. Фуко, фундаментальную аналогию, характеризовавшую целый ансамбль дискурсов, зачастую весьма далеко стоящих друг от друга⁸. Для Нодье наука эквивалентна языку, а общество вполне может мыслиться как «любая другая наука» или «любой другой метод»: теория общества в «Археологии» неотделима от теории языка. В конце концов, метод - это лишь совокупность правил, позволяющих выстраивать научно верные высказывания, то есть грамматика. Отсюда понятно значение, которое в тексте Нодье отводится описательной точности нового языка. Будучи ненадежным (подверженным искажениям), повседневный язык («*langue usuelle*») для осуществления важнейших социальных функций требует введения метаязыка, т.е. языка точных именованных вещей («позитивного языка», «социальной алгебры» в терминологии Нодье). Как следствие, первым шагом к совершенствованию общества должна стать реформа орфографии с целью ее рационализации (например, Нодье считал необходимым отменить дифтонги во французском языке).

Проект социального упорядочивания через систематизацию знаков - лишь доведенный до крайности пример структурирующей роли, которую наука классического периода приписывала дискурсу. Разумеется, в 1810 г. «Археология», с ее онтологическим пониманием языка, уже являлась анахронизмом. Однако наивно было бы пытаться увидеть в истории науки лишь прогресс рациональности. Пример Нодье показывает, что мнения и суждения в этой области не всегда выстраиваются по оси *заблуждающиеся консерваторы – преодолевшие их ошибки новаторы*. На уровне теории и философских посылок Форель, без сомнения, превосходил своего оппонента и смотрел в будущее. Но именно Нодье, находившийся в плену у устаревших теоретических постулатов, оказался ближе к истине в конкретном вопросе о

бретонских песнях.

Ж.-И. Гийомар полагает, что, поддержав Ла Вильмарке, Форьель «хотел сделать приятное своему другу О. Тьерри, а также, вероятно, искупить свои чрезмерные притязания в пользу провансальской литературы... которые он к тому же смягчил в 1836 г.»⁹. Идея, что Форьель собирался подобным образом «искупить» какие-то теоретические «ошибки», кажется маловероятной. Его позиция в 1838 г. в большей степени объяснялась, как нам кажется, объективными факторами, нежели субъективными. В филологическом отношении «заблуждения» Форьеля были типичны для эпохи, не располагавшей достаточным инструментарием для разрешения вопроса о подлинности поэтических образцов, собранных Ла Вильмарке. Кроме того, нет необходимости искать скрытые причины, чтобы понять, что могло привлечь Форьеля в указанном сборнике. «Поэтические песни Бретани» предлагали исследователям обычно недостающую точку отсчета эпической традиции. Легко представить себе, какой энтузиазм должна была вызвать у Форьеля перспектива в первый раз заполучить эту традицию целиком.

Как бы то ни было, состояние науки на указанный момент еще не позволяло делать окончательные выводы относительно подлинности текстов Ла Вильмарке. В конечном итоге скорее именно недостаточное знакомство с валлонскими источниками, нежели все остальное, обусловило ошибки суждения добросовестных ученых вроде К. Форьеля, Ф. Озанама и других. В то же время недостаточность имевшейся во Франции информации о хранящихся в Англии средневековых рукописях создавала благоприятные условия для всякого рода подмен и мистификаций. Анализ публикаций Ла Вильмарке, появившихся в 40-60-е гг. XIX в. показывает, что при отсутствии прямого доступа к британским архивам, пространство для маневра у не слишком щепетильных эрудитов было достаточно широким.

В течение долгого времени одной из главных проблем для сторонников кельтской гипотезы во Франции оставалось отсутствие материальных доказательств существования литературы у древних кельтов. С конца XVIII в. споры вокруг происхождения французских рыцарских романов породили своеобразное соперничество между теми, кто считал французскую Бретань (Арморику) главным агентом влияния на французских труверов и теми, кто отказывал ей в этом в пользу британского влияния. В годы Революции находившийся в эмиграции в Англии аббат де Ла Рю пытался привязать романы Круглого стола к армориканским источникам, в частности, к бретонским *lais*. Особое внимание де Ла Рю уделил

связям между обитателями Арморики и обитателями Уэльса¹⁰. Тем не менее, из-за отсутствия текстов на старобретонском языке усилия Ла Рю, направленные на доказательство существования древней армориканской литературы, не достигли результата.

По другую сторону Ла Манша все, разумеется, виделось несколько иначе. В 1801 г. английские ученые начали публикацию хранившихся в английских библиотеках древних валлонских памятников. В 1806 г. В. Скотт посвятил несколько страниц своего «Введения» к средневековому роману о Тристане изучению источников несохранившегося романа Кретьена де Труа на тот же сюжет. Не отвергая полностью армориканскую гипотезу, он предположил возможность более прямой связи между поэтическими традициями островных бритов и французских труверов:

«Трудно судить о том, откуда Кретьен де Труа почерпнул свои сюжеты. Предания могли попасть к нему из Арморики, но сообщение между Англией и Нормандией в ту эпоху было очень тесным и вполне вероятно, что он сам собирал в Англии или при английском дворе традиции, которые затем переработал в романы»¹¹.

Позднее гипотеза армориканского происхождения романов об Артуре нашла своего защитника в лице А. Дюваля. Впрочем, и он вынужден был признать, что «из всех языков, распространенных в Галлии в средние века, кельтский - единственный, от которого до наших дней не дошел ни один памятник»¹². Армориканская гипотеза получила развитие в «Общем размышлении о состоянии словесности в XIII в.»¹³, где доказывалось влияние бретонских *lais* на романы артуровского цикла. В рецензии на этот том, опубликованной в «Journal des savants», известный филолог-медиевист Ф. Ренуар иронизировал над коллегами, искавшими доказательств бретонского происхождения артуровской легенды:

«Если гипотеза о существовании армориканской поэзии и правдоподобна, хотелось бы, чтобы были найдены хоть какие-нибудь свидетельства, хоть какое-нибудь lai на этом языке...»¹⁴.

Ренуар скептически относился и к идее о том, что во времена Марии Французской еще существовали и были понятны предания на этом языке. По его мнению, предположения, содержащиеся во «Введении» к шестнадцатому тому «Литературной истории Франции», не находили достаточного обоснования в стихах поэтессы: истории, которые, как утверждает Мария, она слышала, могли исполняться на латыни или на старофранцузском. Она написала, что взяла их у бретонцев, лишь для того, считал Ренуар, чтобы придать большую важность

своему сочинению. Пока не будет доказано, добавлял он, существование в XII-XIII вв. поэтических преданий об Артуре на древнебретонском языке, «нельзя утверждать, что французские авторы пользовались ими»¹⁵.

С 1824 по 1838 гг. обе теории, кельтская и романская, были представлены в вышедших томах «Литературной истории Франции». Первую, как уже было сказано, отстаивал А. Дюваль, вторую - сам Ренуар. Таким образом, даже внутри французской Академии мнения были разделены. К 1838-му г. дискуссия о происхождении рыцарских романов (продолжавшаяся при отсутствии прямого доступа к источникам валлонской литературы, хранившимся в Англии) достигла критической точки. Это побудило министра народного образования г. Сальванди организовать научную командировку в Англию с целью исследования на месте источников рыцарских романов и механизмов их трансляции. Командировка Франсиска Мишеля, осуществленная в 1833 г., оказалась, судя по количеству последовавших публикаций, весьма плодотворной. Чуть позже была организована и командировка Ля Вильмарке, в поддержку которой высказался, в частности, К. Форьель. Будучи сам сторонником провансальской теории происхождения романов Круглого стола, он, тем не менее, посоветовал молодому коллеге детально изучить валлонские источники, чтобы дать окончательный ответ на вопрос о генезисе исторического цикла об Артуре. Ля Вильмарке позднее так вспоминал об этом:

«Желание прояснить вопрос, сформулированный многоопытным профессором, побудило министра г. де Сальванди, друга и покровителя изящной словесности, поручить мне, хоть и слишком неопытному и молодому, поездку в Англию. С этой целью в 1838 г. я совершил свое первое путешествие туда, куда потом возвращался много раз. В частных и государственных библиотеках я изучил основные неизданные рукописи древних Бретонцев, и результатом моей работы стало сравнительное исследование кельтских традиций и романов Круглого стола, появления которого так желал г. Форьель... Указав на новые элементы, сделавшиеся достоянием науки благодаря упомянутым исследованиям, и процитировав суждение, которое я сформулировал о происхождении артуровского цикла после знакомства с кельтскими текстами, почтенный автор «Штудий по Археологии и Истории» соизволил присовокупить, что мои исследования заставили г. Форьеля пересмотреть его теорию провансальского происхождения романов Круглого стола»¹⁶.

Теперь известно, что Ла Вильмарке, недостаточно хорошо владевший валлонским наречием, чтобы разбирать составленные на нем древние рукописи, просто скопировал уже

опубликованные английскими коллегами (в частности, леди Ш. Гест) тексты. Таким образом, речь вовсе не шла о «неизданных» источниках. К 1842 г. Ла Вильмарке уже достаточно овладел методами научной фальсификации, которыми он широко будет пользоваться и в дальнейшем: «изобретение» недостающих элементов, отсутствие ссылок на использованные публикации, «улучшение» орфографии источников, плагиат научного аппарата английской переводчицы - вот лишь некоторые из его приемов. Здесь же стоит упомянуть игру с семантикой прилагательного «breton», используемого для обозначения как жителей французской Бретани (бретонцев), так и островных кельтов (бритов).

В этом последнем отношении заголовок написанной в 1841 г. статьи Ла Вильмарке «Валлонские поэмы и романы Круглого стола» представляет собой некий промежуточный этап. Год спустя основная часть ее была использована в первом томе «Народных сказаний древних бретонцев». Упомянутые «сказания» являлись ни чем иным, как переводом валлонских средневековых легенд, заимствованных из изданного в Англии в 1838 г. сборника «Mabinogion» («Оуэн, или госпожа источника», «Герейнт, или рыцарь с соколом» и «Передир, или волшебный пруд»). В 1850 г. Ла Вильмарке издал сборник «Бретонские барды, поэмы VI века», тексты которого, по его словам, ранее не публиковались и были выверены по древнейшим рукописям. В действительности в сборник были включены валлонские поэмы из так называемого «Черного списка», переведенные по текстам антологии «Archéologie myvurgienne», изданной Оуэном Джонсом (на это, в частности, указывают текстологические неточности издания Джонса, воспроизведенные Ла Вильмарке).

С точки зрения методологической строгости публикации Ла Вильмарке не выдерживают критики даже согласно критериям его эпохи. В 1854 г. Э. Ренан уже не имел иллюзий ни по поводу плагиата Ла Вильмарке, ни по поводу того, что он охарактеризовал как «предвзятость феодальной исторической школы»¹⁷, к которой, по его мнению, принадлежал бретонский ученый.

Что же до К. Форьеля, то он не оставил никаких письменных свидетельств эволюции своих теоретических взглядов, о которой упоминает Ла Вильмарке.

Из слов Ла Вильмарке следует, что к концу своей жизни Форьеель, чья теория провансальского происхождения французского эпоса была в свое время резко раскритикована, был вынужден отказаться от некоторых крайних формулировок. Однако трудно измерить важность и точный характер этой ревизии. Ла Вильмарке намекает на то, что она была вызвана

результатами его научной командировки в Англию, но в этом нам позволено усомниться. Отчет о командировке Ла Вильмарке был опубликован в мае 1839 г.¹⁸ Мы находим в нем старые идеи аббата де Ла Рю о бретонском происхождении всех романов об Артуре и других французских памятников, таких как *Lais* Марии Французской. Ла Вильмарке, в частности, пишет, что авторы французских романов заимствовали у бретонцев «не только многочисленные сюжеты, но и поэмы целиком». В этом же «Отчете» он указывает на соответствия между тремя валлонскими повестями и романами Кретьена де Труа «Эрек», «Рыцарь со львом» и «Персеваль», но приписывает армориканское происхождение и валлонским текстам и романам артуровского цикла.

Принимая во внимание категоричный тон «Отчета», плохо верится в то, что Форель был способен полностью разделить их. Тем не менее, можно сделать некоторые предположения о возможной эволюции его взглядов в начале сороковых годов. Не исключено, что в начале сороковых годов Форель начал более серьезно рассматривать возможность участия валлонцев в составлении французских рыцарских романов. Однако эта эволюция могла быть вызвана, скорее, достижениями английских коллег, нежели «открытиями» Ла Вильмарке. Научный контекст, созданный публикацией «Mabinogion» (1838 г.), отличался от того, в котором Форель впервые опубликовал свои лекции, посвященные формированию средневековых французских эпических циклов. Введение в научный оборот неизвестных до того источников означало, что наступило время для пересмотра не принимавших их в расчет старых теорий.

Однако ни в посмертно изданной «Истории провансальской поэзии», ни в последних опубликованных при жизни Фореля статьях мы не находим ни одного намека на возможный пересмотр им прежних теоретических построений. Документ, обнаруженный нами в библиотеке Института, позволяет, как нам кажется, лучше понять точку зрения ученого на этот вопрос в конце его жизни. Среди бумаг, объединенных под рубрикой «Фрагменты, относящиеся ко второму году курса о провансальских романах», есть несколько листов, на которых рукой Фореля помечено: «Романы Круглого стола: идеи Ла Вильмарке и Шульца. набросок анализа»¹⁹. Мы явно имеем дело с ошибкой в датировке: указанные записи не могли быть предназначены для курса 1832 г. Во-первых, Ла Вильмарке (которому в 1832 г. было 17 лет) в то время еще не был известен широкой публике. Во-вторых, труды Альберта Шульца (псевдоним Сан-Март) появились лишь в конце тридцатых годов. Записи могли быть сделаны между 1839 и 1844 гг.: именно к этому времени и относятся «открытия» Ла Вильмарке, касающиеся

происхождения рыцарских романов.

Несмотря на свой конспективный характер, данная рукопись весьма интересна. Взгляды Форьеля на механизм складывания артуровского цикла, как и ранее, определяются его концепцией народной литературы и резюмируют основные постулаты романтической теории. Принцип изоморфизма между литературой и обществом, сформулированный мадам де Сталь в качестве жизненного принципа любой по-настоящему национальной литературы, является главным препятствием к принятию теории кельтских источников. С этой точки зрения ничего не изменилось со времени лекций Форьеля в Сорбонне в 1830 - 1832 гг. Единственное изменение состоит в том, что отныне при обсуждении проблемы источников артуровского цикла он чувствует потребность уделять более серьезное внимание валлонской гипотезе. Достаточно эфемерная еще в начале 30-х гг., к началу 40-х гг. она успела приобрести определенное влияние. В целом, если говорить об эволюции во взглядах Форьеля, следует признать, что масштаб ее был ограничен. Командировка в Англию Ла Вильмарке в нашем рукописном отрывке не упоминается вовсе; все позволяет думать, что если в последние годы своей жизни Форьеель и был вынужден умерить категоричность своих более ранних высказываний, то это совсем не было связано с положительными результатами командировки.

Можно смело утверждать, что историческое значение «смелых» теорий Ла Вильмарке о роли бретонских источников в формировании артуровского цикла состояло более в поддержании в публике в течение почти двух десятилетий интереса к бретонской литературе и в оживлении дискуссий вокруг романов Круглого стола, нежели в действительно серьезном вкладе в эти дискуссии. Деятельность бретонца, тем не менее, имела некоторые результаты.

Анализ опубликованных в 1836-1864 гг. работ Ж.-Ж. Ампера (ученика К. Форьеля) показателен в плане тех изменений, которые теориям бретонского ученого удалось произвести в поле литературной истории. Почти забытый ныне, Ампер интересен не сам по себе, а в качестве барометра произошедших сдвигов. Не слишком оригинальный в собственных научных трудах, он в большей степени отражает общую эволюцию своей дисциплины, нежели стимулирует эту эволюцию. Но, как это часто случается с талантливыми популяризаторами, порой он лучше представляет свою эпоху, чем действительно оригинальные умы.

В текстах 1836-1841 гг. он часто возвращается к вопросу о кельтском наследии и его роли в формировании цикла Круглого стола, что само по себе симптоматично. Тот факт, что Ампер, еще в 1834 г. занятый исследованиями скандинавской литературы, обратился к кельтам,

указывает на важность, которую кельтская гипотеза приобрела в дискуссиях эпохи. Что еще важнее: по работам этих лет можно проследить настоящую эволюцию его суждений по данному вопросу.

В 1836 г. Ампер опубликовал статью «О бардах Уэльса и других кельтских народов»²⁰, в которой возвратился к пресловутой истории с рукописью Гинклана. В целом он высказался в пользу существования рукописи (которую Ла Вильмарке, по его утверждениям, видел своими глазами, и которая затем загадочно пропала), хотя его аргументы не выглядят убедительными. Большая же часть статьи посвящена обсуждению теорий де Ла Рю. В частности, Ампер не соглашался с предшественником, считавшим жонглеров и трубадуров преемниками бардов и возводившим значительную часть рыцарской поэзии к бретонским *lais*. Остерегаясь категоричных суждений по поводу роли валлонских традиций в создании французского рыцарского романа, Ампер, тем не менее, достаточно решительно отвергал идею прямого бретонского влияния. Для него, как и для Форьеля, французская средневековая литература в первую очередь брала начало в греко-романском наследии южной Галлии. Однако отклоняя теорию бретонских *lais* как источников романов Круглого стола, Ампер до конца не примкнул и к теории их провансальского происхождения. Из концепции Форьеля он сохранил лишь ее антикельтский пафос, не присоединившись к положительным заключениям мэтра в отношении Прованса.

Таким образом, в 1836 г. Ампер нехотя признавал гипотетическое существование древней литературной традиции в Арморике, но не признавал влияния этой традиции на романы об Артуре. Три года спустя, в год появления «Barzaz-Breiz», в «Revue de Deux Mondes» был опубликован его обзор французской средневековой литературы²¹. Текст его хорошо отражает озабоченность французской романтической историографии проблемой точного выявления различных традиций, вошедших в национальную литературу, и размеров ее собственного влияния на литературы соседних стран. Исследуя это вопрос, Ампер неизбежно должен был вступить в обсуждение множества спорных проблем, находившихся в центре внимания филологов того времени. Так, например, его утверждение о чисто латинской основе французской литературы, было высказано в пику как теориям немецких филологов, так и в пику притязаниям французских кельтоманов:

«Французская литература Средних веков имеет лишь латинские модели. Кельтская и германская поэзия оставили в ней редкие и сомнительные следы; предшествующая культура -

целиком латинская. Именно из глубин латинской культуры вышло французское Средневековье, как и сам французский язык развился из языка латинского»²².

Статья приобретала открыто полемический характер в части, касающейся анализа отношений с литературами соседних стран. Сформулировав свой главный тезис («в Средние века мы многое дали и очень мало получили»), Ампер переходил к разбору традиций, которые внесли свой вклад в формирование французской литературы:

«Если учитывать отдельные валлонские традиции, которые в сильно измененном виде могли проникнуть в рыцарские романы; отдельные традиции, или, скорее, немногочисленные намеки на германские традиции, игравшие незначительную роль, то мы полностью перечислили все, чем можем быть обязаны другим европейским народам»²³.

В еще большей степени, чем германское или кельтское влияние, им было оспорено влияние арабское. Ампер пытался объяснить роль, которую XVIII в. приписывал арабам, общим духом эпохи, враждебной христианству. Он последовательно отверг теорию арабского влияния по всем пунктам, то есть применительно к поэзии (признав за арабами лишь некоторое влияние на форму провансальской поэзии), философии и архитектуре. В части, касавшейся влияния французской литературы на соседние ей страны, Ампер еще раз, но уже более конкретно, возвратился к вопросу о происхождении рыцарских романов:

«Наши рыцарские эпопеи, провансальские и французские, стали образцом для рыцарских эпопей Англии и Германии, которые, в общем, есть не что иное, как их переводы (в лучшем случае несколько видоизмененные). Это относится не только к нашему национальному герою Шарлеманю, но и к героям, которые не принадлежат нам по праву рождения, таким, как Артур или Тристан. Данные персонажи, заимствованные из чужих традиций, были воспеты нашей эпической музой раньше, чем музами других стран Европы, и даже раньше, чем на родине этих традиций (возможно, важные публикации, которые готовит г. Ла Вильмарке, скорректируют настоящее утверждение)»²⁴.

Основные идеи статьи 1839 г. с небольшими изменениями воспроизведены Ампером в эссе «История французской литературы в Средние века в сравнении с другими литературами»²⁵. Самые важные поправки, внесенные в текст, касаются более нюансированной, нежели в 1839 г., оценки возможной роли кельтских источников в формировании рыцарских романов. Ампер демонстрирует в этом вопросе все те же колебания и не высказывается решительно в пользу ни

одной гипотезы. Однако теперь он менее категоричен в утверждении чисто национального происхождения романов Круглого стола. О кельтских источниках он пишет следующее:

«Их доля еще не определена, до сих пор не установлено с достаточной точностью, какую основу они могли составить для бурного развития рыцарской поэзии (прежде чем высказываться по этому поводу, следует дождаться публикации трудов г-на Ла Вильмарке)»²⁶.

Текст 1841 г. свидетельствует об изменениях во взглядах Ампера, хотя и не позволяет определить, в каком направлении тот будет двигаться далее и чью сторону займет. Очень осторожно, но Ампер начинает понемногу дистанцироваться от позиции своего мэтра Форьеля и его провансальской теории.

М. Гленкросс полагает, что с 1841 г. разница мнений между Ампером и его старшим коллегой в вопросе о происхождении рыцарских романов и роли кельтских элементов в артуровском цикле становится все более заметной²⁷.

Так никогда и не примкнув к теории кельтского происхождения романов Круглого стола, Ампер все же явно испытал влияние Ла Вильмарке. В «Литературной истории Франции» он уже чувствительно удаляется от Форьеля, допуская, например, существование кельтских бардовских традиций в Арморике.

Таким образом, к середине сороковых годов в вопросе о романах Круглого стола было достигнуто определенное равновесие между основными соперничавшими теориями. Опубликованная в 1846 г. в «Revue de Deux Mondes» статья Ипполита Фортуля весьма показательна в этом отношении. Она представляет собой рецензию на посмертное издание трехтомной «Истории провансальской поэзии» Форьеля.²⁸ Ни сам по себе, ни в связи с артуровскими штудиями этот текст не представляет сегодня никакого интереса. Если он все-таки заслуживает упоминания, то лишь потому, что великолепно иллюстрирует один из интереснейших эпизодов французской литературной истории.

С одной стороны, Фортуль упрекает Форьеля в том, что тот не принимал в расчет публикации Ла Вильмарке, который, по мнению рецензента, убедительно доказал бретонское происхождение романов Круглого стола. С другой стороны, он ссылается, как на нечто все еще авторитетное, на теорию провансальского происхождения французского эпоса, сформулированную Форьедем в начале тридцатых годов.

В случае с Фортулем мы имеем дело тем, что Э. Ренан называл критическим методом,

основанным на *a priori* и приближительностях, примером так называемой журналистской критики, с типичной для нее развязностью формулировок и бесцеремонностью обращения с самыми сложными вопросами. Тем не менее, в данном случае текст Фортюля представляет интерес именно в силу своего ненаучного характера. Занимая промежуточное положение между «ученым» и научно-популярным дискурсом, данная рецензия свидетельствует об интересе, который теории происхождения рыцарских романов вызывали в «интеллектуальной» французской среде к концу Июльской монархии. Косвенно она указывает также на степень ассимиляции соперничающих теорий.

¹ Цит. по: Gourvil F. Théodore-Claude-Henri Hersart de La Villemarqué et le “Barzaz-Breiz”. Rennes: Oberthur, 1960. P. 27-28.

² Gourvil F. Prosper Mérimée et “Gwenc’hlan” // Nouvelle Revue de Bretagne. 1949. Pp. 104-115, 212-222, 299-306.

³ La Villemarqué T-C-H. Barzaz-Breiz. Paris, 1867. P. XXIII.

⁴ Цит. по: Gourvil F. Théodore-Claude-Henri Hersart de La Villemarqué et le “Barzaz-Breiz”. Rennes: Oberthur, 1960. P. 28.

⁵ Ibid. P. 63.

⁶ Institut. Ms 2345 (I, 1).

⁷ Nodier Ch. Archéologie, ou système universel et raisonné des langues. Paris, 1810. P. 5-6.

⁸ Foucauld M. Les mots et les choses. Paris: Gallimard, 2003 (1966). См. главы III, VII.

⁹ Guiomar J.-Y. Le Barzaz-Breiz de Théodore Hersart de La Villemarqué // Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. Paris: Gallimard, 1992. Т. III. P. 539.

¹⁰ La Rue G. Dissertation on the Life and Writings of Mary, an Anglo-Norman Poetess of the 13th Century. London, 1797; Idem. Recherches sur les ouvrages des bardes de la Bretagne Armoricaïne dans le Moyen Age. Caen, 1815.

¹¹ Scott W. Sir Tristrem, a metrical romance of the XIII century by Thomas of Erceldoune, called the rhymer. Edinburgh, 1806. (The second edition). P. XIII.

¹² Histoire de la littérature française. Т. XVII. P. XXI. Далее – HLF.

¹³ HLF. Т. XVI.

¹⁴ Journal des savants. Mai 1828. P. 290.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ La Villemarqué T-C-H. Les romans de la Table Ronde et les contes des anciens Bretons. Troisième édition. Paris, 1860. P. IX-X.

¹⁷ Galand R. M. L'âme celtique de Renan. Paris : PUF, 1959. P. 169.

¹⁸ La Villemarqué T-C-H. Rapport à M. Le Ministre de l'Instruction public sur la littérature du pays de Galles // Archives des missions scientifiques. 1839.

¹⁹ Institut. Ms 2345 (I, 1).

²⁰ Ampère J.-J. Des bardes chez les gaulois et chez les autres nations celtiques // RDDM. 1836. P. 419-446.

²¹ Idem. Vue générale de la littérature française au Moyen Age // RDDM. 15 août 1839. P. 179-193.

²² Ibid. P. 180.

²³ Ibid. P. 185.

²⁴ Ibid. P. 187.

²⁵ Idem. Histoire de la littérature française au Moyen Âge, comparée aux littératures étrangères. Paris, 1841.

²⁶ Ibid. P. L.

²⁷ Glencross M. Reconstructing Camelot. French Romantic Medievalism and the Arthurian Tradition. Cambridge: D.S.Brewer, 1995.

²⁸ RDDM. 15 Mai 1846. P. 549-588.